

K 556/49r

Рис. К. ЕЛИСЕВА

БЕСПАЧПОРТНЫЙ БРОДЯГА

«...Признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве...»

(В. Г. БЕЛИНСКИЙ)

КРОКОДИЛ

ЦИТИРУЯ КЛАССИКОВ...

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ, дорогие читатели: то, что вы прочитаете ниже, совсем не смешно. Иногда полезно о смешном поговорить всерьёз.

* * *

«Беспачпортные бродяги» всех мастей и рангов, продавая и предавая нашу Родину, пытались опорочить и русское классическое литературное наследство.

Проповедуя свои космополитические, буржуазно-эстетские каноны, они издевались над теми, кто исходил в своём творчестве из партийных, советских позиций, над теми, кто был верен славным традициям классической литературы.

Юмор и сатира — острейшее оружие советской печати. У истоков этого глубоко народного жанра стояли величайшие корифеи литературы. Освоить и использовать в идейной борьбе наследство и традиции классиков — долг и обязанность советских сатириков и юмористов.

Бандиты космополитического пера, низкопоклонники перед реакционной и продажной западнобуржуазной литературой, немало вредили на фронте сатиры и юмора.

Долгое время подвизавшиеся в редакции Крокодила эстеты-остряки типа Бермонта и Кроткого (он же Герман) словом, делом и мышлением стояли на позициях космополитизма. Источником их вдохновения служили не идейность и народность юмора, а обывательские, пошленькие антипатриотические анекдоты. Их они сочиняли, их они смаковали, их они распространяли.

С презрительной иронией относились они к темам советской современности, особенно к положительным темам. Убийственно-злой атмосферой окружали тех, кто пытался бороться за идейность, партийность и народность сатиры и юмора.

Психология эстетов-космополитов — это сугубо антинародная психология. В натуре безродного космополита уживается и сочетается отрицание советского патриотизма с отрицанием патриотизма писателей-классиков Пушкина и Гоголя, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Чехова и Маяковского. И это понятно. Потому что и советский патриотизм и традиции наших классиков признаны одним и тем же великим чувством — чувством любви к Родине и народу...

Теперь о цитатах.

Не однажды на редакционных совещаниях в Крокодиле раздавались реплики космополитствующих эстетов:

— Давайте поменьше цитировать классиков.

Не выйдет! Будем цитировать классиков!

В частности и настоящий номер задуман и сделан в основном из цитат и высказываний классиков сатиры.

И — раз уж на то пошло — закончим и эти строки одной весьма полезной цитатой:

«...Тому, кто пожелает искренно и честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней... Мне хотелось в сочинении моём выставить преимущественно высшие свойства русской природы, которые ещё не всеми ценятся справедливо... Чтобы по прочтении моего сочиненья предстал как бы невольный весь русский человек, со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед всеми другими народами».

Прекрасно сказано! А сказал это великий писатель-патриот, классик сатиры и юмора Н. В. Гоголь.

Генерал Клей запретил распространение в Бизонии стихов В. Маяковского. У генерала, кроме политических мотивов, есть ещё личные причины быть недовольным советским поэтом. Дело в том, что Маяковский в стихотворении «Блэк энд Уайт» не совсем лестно отозвался об американском сигарном короле Эри Клее, отце генерала:

«В Гаванне
всё
разграничено чётко:
у белых доллары,
у чёрных — нет.
Поэтому Вилли
стоит со щёткой
у «Эри Клей энд Бок, лимитейд».

Стужах с КЛАССИКОМ

ИГНАТ Иванович Голощёков, старший конюх колхоза «Рассвет», в субботний вечер возвратился из бани. Напившись чаю и бережно повесив на спинку стула новую полотняную косоворотку, он, кряхтя, взобрался на кровать.

У самого изголовья, выпроставшись из самодельного оранжевого абажура, свисала яркая лампочка и многократно отражалась в никелированных гранях.

— Благодать! — торжественно произнёс Игнат Иванович. — А что, Антонина, не принёс ли Витя почитать чего?

— Угомонился бы уж до завтра, читака, — мягко упрекнула его жена.

— А вот попробуй угомонись после такого блаженства... Парная нынче была первый сорт! Весь веник иссёк...

Он смотрел на высокий, свежесвеженный потолок новой избы и мечтательно рассуждал:

— Ведь сколько у нас писателей, журналистов разных, поэтов. А вот в нашу деревню не заглядывают.

— Как же? А летось разве не был в Жукове из московской газеты? Вспомни-ка? Ещё квартировал у нас восемь дней.

— Верно, помню!.. Аполлоном Пименовичем, кажись, звали. Чарующий по фамилии. Проворный такой. Сколько он, бедняга, бумаги извёл, сколько в правлении архивов перерыл, да что толку? Обещал повесть написать, прислать обещал, а вот уехал — ни слуху, ни духу.

— Значит, не достойны мы ещё, Игнат, чтобы о нас повести пропечатывали.

— Как это, не достойны? — сердито обернулся Игнат Иванович. — Колхоз на всю область в жоках ходит, двух Героев Труда имеем, а ты — «недостойны!»

Желая унять своего дотошного старика, Антонина Кузьминична взяла с этажерки небольшую книжонку и подала ему:

— На вот. Нынче Витёк пришёл... Про нашу деревню, говорит.

Игнат Иванович с затаённым любопытством взял книжку и, надев очки, прочёл на газетной обёртке чернильную надпись: «Сочинение А. П. Ч. — про наше Жуково!».

Ни обложки, ни первой страницы не сохранилось, а на обрывке титульного листа только и осталось: «Москва, 1948 год. Детгиз».

Обрадовавшийся Игнат Иванович быстро перелистал порванные странички и прочёл:

«Приехал он в своё Жуково под вечер... Избы шли в один ряд, и вся деревушка, тихая и задумчивая, с глядевшими из дворов ивами, бузиной и рябиной, имела приятный вид».

Глаза Игната Ивановича быстро перебежали со строки на строку, словно на лесенке. Сердце колотилось всё чаще и громче.

— Антонина! Смотри-ка! А я этого Чарующего уже пустоцветом в душе считал... Как точно и красиво написал! Послушай-ка: «За крестьянскими усадьбами начинался спуск к реке... Река была в версте от деревни, извилистая, с чудесными кудрявыми берегами, за нею опять широкий луг, стадо, длинные вереницы белых гусей...»

— Вот тебе и Аполлон Пименович! Восемь дней всего пробыл, а будто родился тут! Вот это талант! Зря корил я его...

Антонина Кузьминична под села к кровати и, опершись о ладонь, слушала. Ей тоже хотелось узнать, что написал этот вежливый, беспоконный молодой человек об их колхозе.

— «Сидя на краю обрыва, — уже спокойнее читал Игнат Иванович, — Николай и Ольга видели, как заходило солнце, как небо, золотое и багровое, отражалось в реке, в окнах храма и во всём воздухе, нежном, покойном, невыразимо чистом, какого никогда не бывает в Москве».

— Это, видно, про Лебедева Кольку да про Ольгу, когда они на каникулы приезжали, — пояснял Игнат Иванович.

— «Родное гнездо представлялось ему светлым, уютным, удобным, теперь же, войдя в избу, он даже испугался: так было темно, тесно и нечисто...»

— Это в чью же избу вошёл он? — удивилась Кузьминична.

— Что за дьявол! «Сколько муж! Печь покосилась, брёвна в стенах лежали криво, и казалось, что изба сию минуту развалится...» Да у нас ни одной такой избы не осталось...

— А ну-ка дальше...

— «По случаю гостей поставили самовар. От чая пахло рыбой, сахар был опрысканный и серый, по хлебу и посуде сновали тараканы; было противно пить, и разговор был противный — всё о нужде да о болезнях...»

— Чорт знает что! — не удержался Игнат Иванович. — В глаза хвалил: «Ваш-де колхоз самый передовой, самый культурный», — а за глаза, ишь ты, что развёл!.. — Его дрожащие пальцы уже отвернули другую страницу.

— «А когда наступил вечер и в избе потемнело, то стало так тоскливо, что трудно было выговорить слово. Сердитая бабка намочила ржаных корок в чашке и сосала их долго, целый час... Светила только одна лампочка, которая горела тускло и дымила».

— Ах ты шелкопёр! — возмущался Игнат Иванович. — Значит, новые дома не заметил, электростанцию не заметил, водопровод, сады наши общественные — ничего не заметил!.. А вот муху да каганец у кого-то увидал — целую антимионию развёл...

Игнат Иванович приподнялся с кровати и снял очки.

— И белены, кажись, не ел, и человек будто нормальный. Он машинально надел очки:

— «О, какая суровая, какая длинная зима! Уже с Рождества не было своего хлеба, и муку покупали... В хлеву день и ночь раздавалось мычанье голодной коровы, надрывавшее душу...»

— Это уже чорт знает, какая наглость!..

Игнат Иванович ещё раз посмотрел на газетную обёртку и тяжело вздохнул:

— Вот тебе и «А. П. Ч.» Чарующий... Фамилия будто нежная, чистая, ничего не скажешь, а душа в саже.

— Ну, ложись, ложись, Игнатушка... Чего уж, написал человек не подумавши... А там напечатали... Ложись, не расстраивайся.

Но Игнат Иванович не унимался. Ему хотелось узнать, с какого же места этот «А. П. Ч.» начнёт писать правду.

— «По случаю праздника купили... селёдку и варили похлёбку из селёдочной головки. В полдень все сели пить чай и пили его долго, до пота... и уже после этого стали есть похлёбку, все из одного горшка. А селёдку бабка спрятала...»

— Нет, не остаю так... До самого сердца обидя дотронулась... Игнат Иванович быстро надел косоворотку и сел к столу:

— Я сейчас письмо в обком партии напишу... Такую мерзостную клевету напечатали... Это чего же они там смотрят!..

Часа через два письмо было уже написано. Игнат Иванович изложил в нём подробную историю колхоза «Рассвет», рассказал о том, как жили крестьяне деревни Жуково до коллективизации, как они построили крепкий колхоз, посадили сад в 240 гектаров, своими силами соорудили на речке электростанцию, крупорушку, сложили из камня две силосных башни, что в колхозе имеются сейчас четыре грузовика, легковая машина, сто восемьдесят лошадей, пятьсот сорок коров, а на птицеферме более одиннадцати тысяч гусей, кур и уток. «В прошлом году каждый наш колхозник получил на трудодень по четыре килограмма ржи и пшеницы, по восемнадцать килограммов овощей и картошки да деньгами по двенадцать рублей, — разгневанно писал Игнат Иванович. — Избы у нас чистые, у каждого электричество, для топки дают уголь, в клубе идут самые новые кинокартины, как в городе. А хлеба у каждого столько, что до любого четвёртого Рождества хватит».

А этого журналиста проберите как следует... Жил у нас восемь суток, пил-ел на дармовщину, думали, честный человек, из столицы, а он такую ложь нагородил — душе больно...»

Игнат Иванович вчетверо сложил исписанные листки и принялся было писать адрес, но в это время распахнулась дверь, и в избу влетел возвратившийся из клуба Витя.

— Дедушка! Мичурина показывали! Цветного! — ещё с порога кричал он, снимая пальто. — А яблоки какие! Розовые, крупные — в два кулака! Лучше наших, пожалуй, будут...

— Вот и ты тоже — «лучше наших», — гневно оборвал его Игнат Иванович. — Вроде этого писаки...

— Какого, дедушка?

— А вот этого — «А. П. Ч.» — Аполлона Пименовича. Помнишь, стоял у нас. Почитай-ка, что он про Жуково пишет... Срам один.

— Это же не он...

— Как не он? Это же про нашу деревню книжка?

— Про нашу.

Витя взял в руки книжку, бегло взглянул на первую страничку письма и понял всё.

— Дедушка, так это же другой «А. П. Ч.» написал. Чехов! Антон Павлович! Это ещё, смотри вот, в 1897 году написано.

— Ну, скажи на милость... — полупрошептом произнёс Игнат Иванович, рассматривая дату. — Обмишурился как, а! Значит, сколько это годов уже минуло?

— Пятьдесят один год, — быстро сосчитал Витя.

Игнат Иванович бережно сложил своё письмо, в которое было вложено столько напрасной обиды, и спрятал его на самое дно дубовой шкатулки:

— Ну, тогда простительно. За тот год, Витя, мы не ответили. Тогда ещё не было в Жукове колхоза «Рассвет»...

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

НЕ ВЕЗЕТ!

КЛАССИКИ: — Подвезите нас в деревню! А то машины «Союз-печати», пожалуй, не дождёшься!

ЖИЛ начальник коммунально-жилищного управления каспийского завода Алексей Акимович Самокатов со своей супругой у самого синего Каспийского моря. Явился он как-то к директору завода и, уронив крупную слезу, сказал такое:

— Не хочу жить в благоустроенном высоком тереме, а хочу жить в ветхой землянке, в непригодном к жилью помещении!..

Потом решительно протянул заявление: «Прошу передать мне домик, не пригодный к жилью, списанный с баланса на слом, то есть продать как строительный материал, годностью тридцать пять процентов».

Это был каменный домик на территории озеленительного питомника, крытый фальшивым актом о списании. Это был тот самый никудышный, бесхозный, заброшенный, ни гроша не стоящий домик, о котором всю жизнь мечтали Алексей Акимович и его супруга Ольга Яковлевна. Всю жизнь жаждал Самокатов переселиться в этакую лачугу! И вот он уже победоносно размахивает директорской резолюцией: купля-продажа состоялась!

Теперь начинаются чудесные превращения. Один взмах бумажкой — лачуга обращается в нарядный особняк. Другой

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕРЕМ

взмах бумажкой — и семейство Самокатовых вместе с коровой «Машенькой» и прочей живностью поселяется в живописной усадьбе. Двух дней достаточно было для этих превращений, двух дней, в течение которых предводительствуемые Самокатовым бригады ремонтных рабочих выполнили особое задание начальства. То, что не удаётся факирам, легко проделал начальник коммунально-жилищного управления. Восстановление дома шло молниеносно. Даже для «Машеньки» в рекордный срок воздвигнут стильный каменный сарай.

Из каких материалов всё это делалось? Смешно спрашивать об этом начальника жилищно-коммунального управления! Материал был изыскан на месте. И потому заместитель директора завода Литягин по простоте душевной воскликнул: — Надувательство!!!

Литягин всё дело испортил своим неуместным возгласом. Алексея Акимовича вдруг уволили, а дом решили изъять.

Но мы забыли сообщить, что супруга Самокатова Ольга Яковлевна когда-то прошла курс юридических наук. Это — очень важное обстоятельство. Не ругала она на

чём свет стоит мужа, не называла ни простофилей, ни дурачиной, а отставила в сторону кастрюли и сама ринулась в бой. В одно мгновение пишется исковая жалоба, в два счёта организуется судебный процесс, и вот уже судья Сулханов объявляет решение: взыскать с завода в пользу Самокатова семнадцать тысяч целковых, якобы истраченных на ремонт. Кассационная коллегия вначале отменяет это решение. Но ведь Ольга Яковлевна — бойкий юрист. И кассационная коллегия Верховного суда Дагестана, куда возвратились с поклоном супруги Самокатовы, милостиво идёт на компромисс: скостить пять тысяч, а двенадцать тысяч выдать Самокатову ни за понюх табака. И Алексей Акимович получает от государства двенадцать тысяч рублей за дом, принадлежащий государству же.

Положив денежки в карман и бросив прощальный взгляд на Каспийск, Самокатов укатил в Большой Токмак, Запорожской области, где он, вероятно, имеет на примете ветхую земляночку, которую надеется обратить в высокий терем с дубовыми тесовыми воротами.

Н. МЯГКИЙ

г. Каспийск,
Дагестанская АССР.

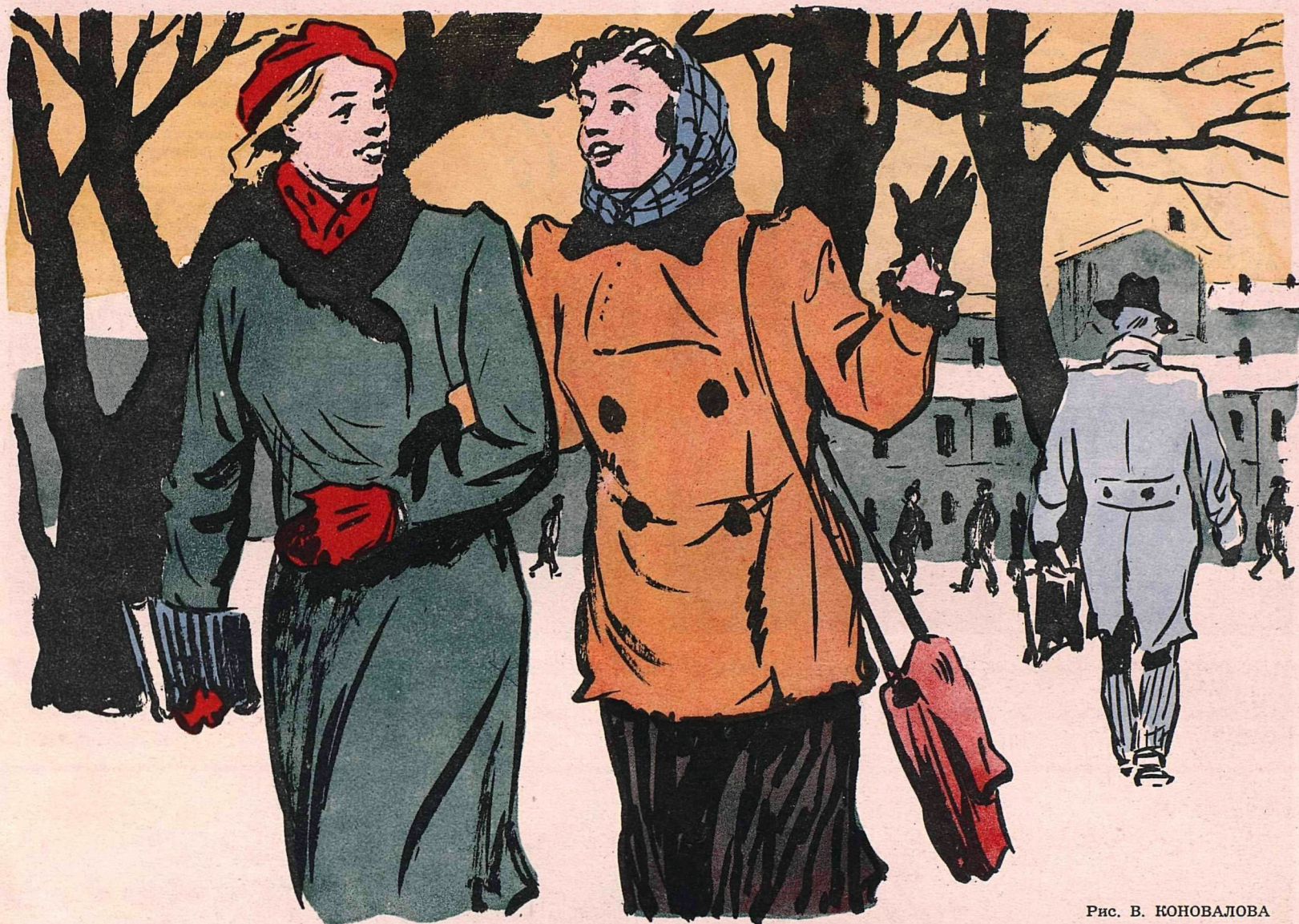

Рис. В. КОНОВАЛОВА

ПОЛЕЗНОЕ ЗНАКОМСТВО

— Удивляюсь, как это Вася попал в вуз? Ведь он совершенно не знаком с Добролюбовым, Чернышевским, Тимирязевым...

— А зачем ему быть знакомым с классиками, если его отец хорошо знаком с самим Иваном Ивановичем!

Сообщаем адреса

Шаловливые ручонки,
Нет покоя мне от вас!

Так и жди, что натворите —
Вы каких-нибудь проказ.

(А. ПЛЕЩЕЕВ)

Речь идёт о ручонках, которые изготавливают электрические лампочки. О них (о ручонках и лампочках) пишет нам читатель Соколов из города Соликамска. Эти электролампочки отличаются от обыкновенных тем, что они не горят. Во всём остальном они очень схожи с обычными. Вследствие этого негорящие лампочки могут служить лишь как украшение. Поэтому лиц, желающих приобрести такие украшения, рекомендуем обращаться по адресу:

А вот ещё ручонки, которые наспециализировались выпускать весьма оригинальные гармонии. Нам думается, что даже самый выдающийся виртуоз не сможет выжать из этих гармоний ни единого звука. Инструмент способен лишь издавать стоны, хрипы и изрыгать из своих недр солидную порцию опилок и щепок.

Такие, фаршированные мусором, музыкальные ящики выпускает:

ДОРУРС Турксиба просит редакцию отметить также ручонки, причинившие изрядные неприятности ногам многих железнодорожников. Без особых усилий и стараний эти ручонки сумели сшить обувь, у которой подошва тонка, как бумага, стелька сделана из фанеры и голенища украшены живописными заплатами. Это изделие, наскоро собранное из утиля, выдаётся за сапоги «особого сорта».

Оптовая продажа таких сапог «особого сорта» производится по адресу:

г. Черниковск, Башкирская АССР,
завод «ЧЭЛЗ».
Директор — тов. Киселёв.

Артель «Кировская гармония»,
г. Киров.
Председатель артели — тов. Шмидт.

г. Ленинград,
Московский район, артель «Обувщик», где
до недавнего времени председателем был
тов. Васильев Н. А.

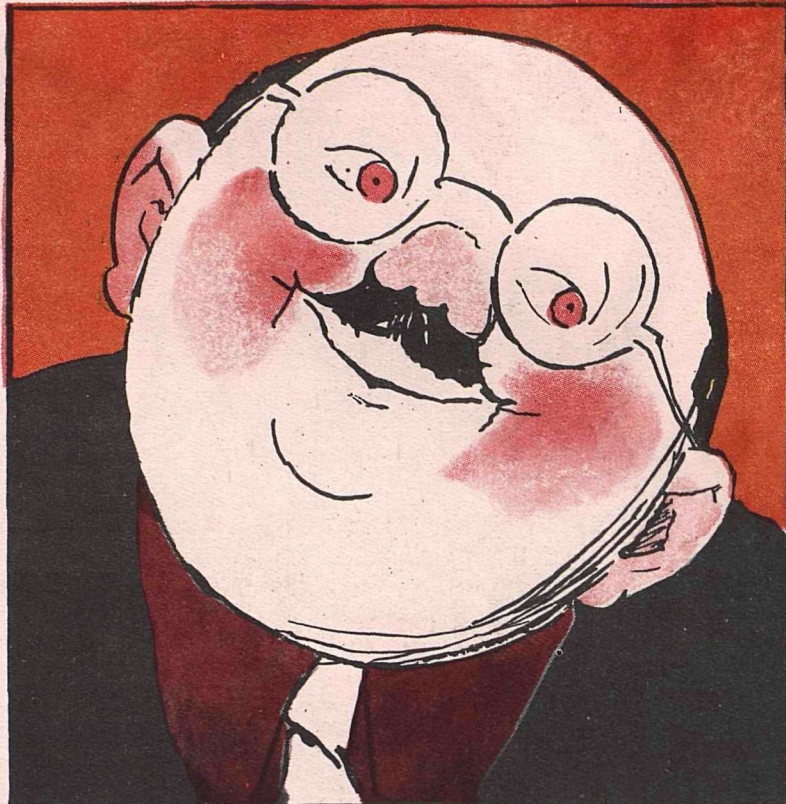

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

ОТЧЕГО БЫ ЭТО?

«Человек, необыкновенно рассеянный в кружке подчинённых...

...никогда не бывает рассеян с лицами высшими».

(И. С. ТУРГЕНЕВ)

Леонид ЛЕНЧ

Перед докладом

НИКОЛАЙ Иванович Гаврилов, крупный торговый работник, представительный мужчина лет сорока пяти, сидел у себя дома и готовился к докладу о международном положении.

Доклад этот Николай Иванович должен был сделать по поручению партийной организации на общем собрании сотрудников своего учреждения.

В квартире было тихо. Жена Гаврилова, Ольга Ивановна, ушла в кино, чтобы не мешать мужу. Сын, Витька, в соседней комнате

готовил уроки. Ему строго-настроено было приказано не беспокоить отца.

Работа у Николая Ивановича шла хорошо. Цитаты и цифры были уже подобраны, необходимые выписки сделаны. В тезисах завтрашнего доклада как будто было отражено всё: и «холодная война», и «план Маршалла», и другие маневры поджигателей войны.

И всё-таки в докладе чего-то не хватает. Чего?

Николай Иванович поднимается из-за стола, ходит по комнате, мягко ступая домашними войлочными туфлями, думает.

...В дверь тихо постучали.

— Кто там?! — недовольно сказал Гаврилов. — Я же просил не мешать!..

— Папа, это я! Я на одну минуточку!

Дверь открылась, и в комнате появился Витька — большелобый, кареглазый, очень похожий на отца мальчик.

— Что тебе надо? — строго спросил Николай Иванович.

— Папа, у меня задача не получается, — жалобно сообщил Витька.

— Какая задача?

— Известно, какая — с двумя неизвестными. По алгебре!..

— Подумай хорошенько — и получится!

— Думал, папа. Всё равно не получается.

Николай Иванович нахмурился:

— Я сейчас не могу тебе помогать. Мне некогда. Потом!.. Готовь пока другие уроки!..

— Другие я уже все приготовил. Одни эти проклятые неизвестные остались!..

— Ну почитай что-нибудь! Я сейчас не могу с тобой заниматься.

— А у тебя тоже не получается, папа? — сочувственно спросил Витька.

Николай Иванович выпроводил сына из комнаты, сел за стол и снова погрузился в размышления над тезисами своего доклада. Да, определённо в докладе чего-то не хватает... Какой-то эмоциональной напряжённости... В особенности в конце... Да, да, в конце!.. Стихами доклад закончить, что ли?!

— Правильно, стихами! — задумчиво сказал самому себе Николай Иванович. — В конце нужны именно стихи! Боевые, целеустремлённые, современные стихи. Такие, чтобы каждая строчка стреляла!..

Он опять поднялся из-за стола и зашагал по кабинету, силясь вспомнить подходящие к случаю «стреляющие» стихи. Но в голову ничего не приходило, и Николай Иванович начал сердиться на самого себя.

«Это всё моя отсталость! — с желчной самокритикой размышлял он. — Ведь художественную литературу я почти не читаю. Кручусь в текучке — и вот, пожалуйста, результат. Да и Ольга хороша: совершенно не пополняет библиотеку!»

Он сел на диван. Закурил папиросу. За стеной был слышен витькин голос. Мальчик что-то громко и ритмично бубнил.

Николай Иванович прислушался: так и есть, Витька читает стихи... Слов Гаврилов не мог разобрать... Но вот Витька, войдя в раж, повысил голос:

«Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас

Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

Николай Иванович потушил папиросу в пепельнице и приложил ладонь к уху. Витька понизил голос, и несколько дальнейших строк Николай Иванович не разобрал. Потом Витька опять повысил голос, спрашивая кого-то:

«Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?
Вы грозны на словах — попробуйте на деле!»

— Витька! — радостно закричал Николай Иванович. — Иди скорей сюда!..

На пороге появился смущенный Витька:

— Я тебе помешал, папа? Я ведь потихоньку!..

— Что ты там читал?

— Стихи, папа!

— Из сегодняшних «Известий», что ли?

— Что ты, папа! — сказал Витька. — Это же Пушкин. «Клеветникам России»...

Николай Иванович густо покраснел:

— Ну да, конечно!.. Господи, как я не узнал!.. Неси-ка скорей сюда Александра Сергеевича, сынок.

Витька принёс однотомник Пушкина.

— Вот, папа, видишь: «Клеветникам России». Прочти вслух!..

Николай Иванович стал читать стихи,

увлекаясь с каждой строфой всё больше и больше. Гневная, обжигающая сила пушкинских строк подхватила его и понесла. К концу голоса Николая Ивановича звенел так, как будто он уже стоял на трибуне и делал свой доклад, а слушал его не один Витька, не спускавший с отца восторженных глаз, а сотни людей:

«Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских холодных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.»

— Здорово ты читаешь, папа! — похвалил отца Витька, когда тот закончил чтение.

— Написано, брат, здорово — вот в чём дело! — серьёзно сказал Николай Иванович. — Стихи эти Пушкин сочинил в 1831 году, а звучат они так, как будто написаны сегодня. Вот это и есть гений. Спасибо тебе, Витька, помог ты мне. Теперь я знаю, чем доклад кончать!.. Пушкин выручил!..

— Мы-то с Пушкиным тебе помогли, папа, — сказал Витька, — а ты-то мне нет. Неизвестные так и не решены!..

— Сейчас мы с тобой с ними расправимся!.. Тащи задачник!..

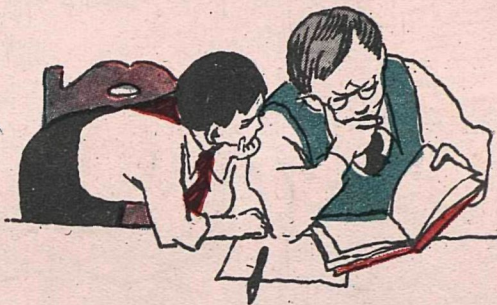

Рис. И. СЕМЕНОВА

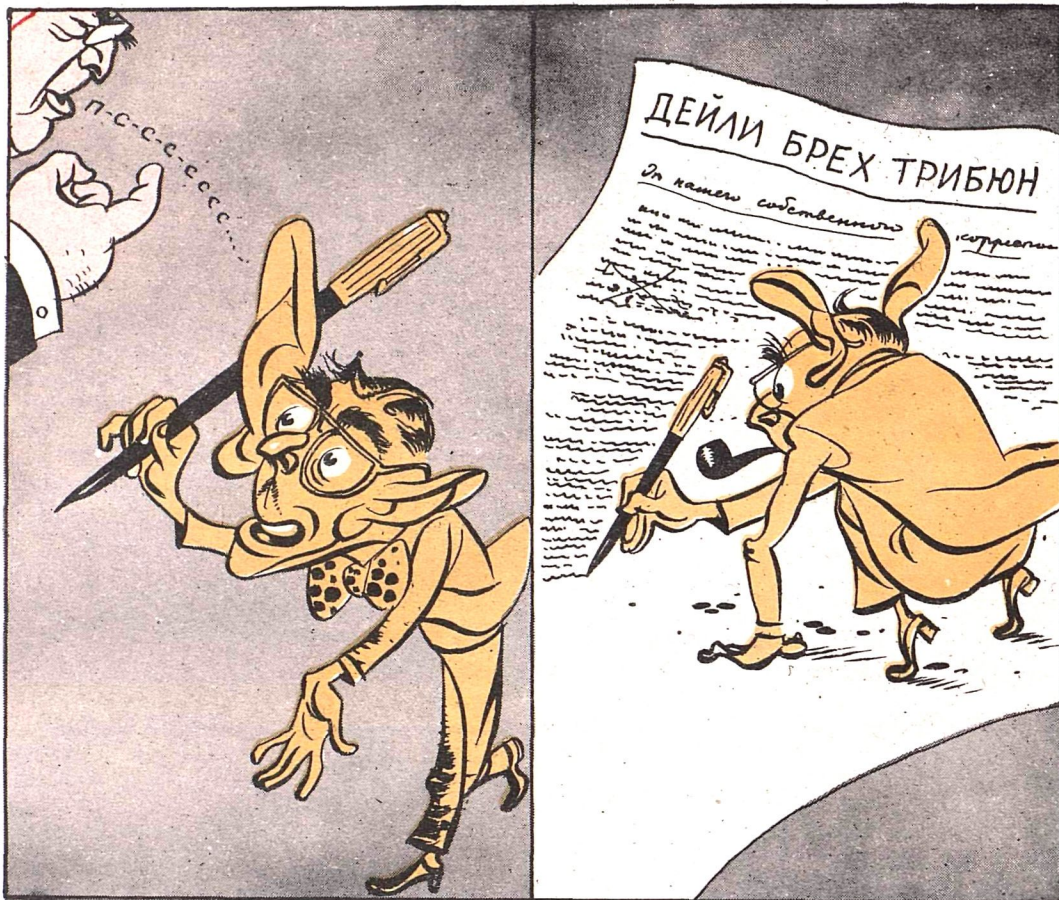
«ОДНИМ СЛОВОМ, ПОЗВОЛЬТЕ ВАМ ВЫЙТИ ВОН!»

(А. П. ЧЕХОВ)

— Ну-ка, господа Засуха и Суховой, очищайте территорию за
бесхозяйственное к ней отношение!

ИСТОРИЯ ХЕРСТОВСКОГО БОРЗОПИСЦА
(ПОЧТИ ПО ПУШКИНУ)

Рис. Бод. ЕФИМОВА

Внимает он привычным ухом
Свист;

Марает он единым духом
Лист;

Потом всему терзает свету
Слух;

Потом печатает, и в лужу
Бух!

УГОЛОК НАТУРАЛИСТА
ИНДЕЙКИ И «ПЛАН
МАРШАЛЛА»

И хищник хищнику достался на обед.
(И. КРЫЛОВ)

В США ловят диких индеек, пользуясь их глупостью.

Для этого в том лесу, где они водятся, ставят ловушку — четырёхугольную клетку из брёвен, прикрытую сверху хворостом, а под одной из её стенок прорывают канаву, по которой могла бы свободно пройти взрослая птица. Канавка, начинаясь снаружи, ведёт в клетку и оканчивается по середине её; у внутренней стенки клетки канаву прикрывают досками так, чтобы идущая по ней индейка могла выйти только по середине клетки. Затем канаву посыпают зёрнами кукурузы.

Индейки, склёвывая рассыпанную приманку, подвигаются по канаве и проникают в клетку, выбираясь из которой уже не в состоянии: они не соображают, что выйти можно тем же путём, по которому они вошли, и тщетно просовывают свои головы в щели между брёвнами.

Тут приходит охотник и забирает глухих индеек: одних оставляет на племя, других продаёт, третьих потрошит.

Принципы этого способа ловли диких индеек американские капиталисты перенесли из США в Западную Европу.

Роль ловушки играет «план Маршалла», роль приманки — не густо рассыпанные доллары.

«Маршаллизированные» индейки заходят в расставленную ловушку.

Тут заокеанский охотник берёт их голыми руками, одних оставляет для своего курятника, других тут же потрошит, даже не дорезав.

Борис АНИБАЛ

ПЕРНАТЫЙ ПРОПАГАНДИСТ

Болтун подобен маятнику: тот и другой надо остановить.
(К. ПРУТКОВ)

В МЮНХЕНЕ есть зоопарк. В зоопарке был попугай, который кричал: «Хайль Гитлер!» Окончилась война, политики приспособились к новым хозяевам, и лишь попугай выступал с прежним, несколько не обновлённым репертуаром. И вот в один прекрасный день он исчез.

Но скоро пернатому гитлеровцу нашёлся славный преемник. Как сообщает агентство Рейтер, недавно на мюнхенском аэродроме приземлился самолёт. И лишь смолк шум пропеллера, раздалось пение. Кто-то резким фальцетом пел по-английски: «Я люблю свою жену, но я люблю и тебя, моя милашка!»

Вслед за тем из дверцы самолёта показалась клетка, и сидящий в ней зелёный попугай тем же голосом закричал: «Покупайте только американские товары!» От крика на его шее задрожала записка, гласящая: «Мы, американки, буфетчицы Филадельфийского ночного клуба, чтобы возместить тяжёлую утрату вашего зоопарка, посылаем эту демократически обученную птицу».

И попугай водворился в зоопарке. Слушая речи заморского болтуна, посетители грустно усмеваются. Отдавая на завтрак американских консервов из конины, невольно слушают восхваление американского экспорта, хотя бы оно исходило из уст забавной птицы. И даже не очень дальновзорким людям этот яркозелёный попугай кажется совсем жёлтым, как его американские коллеги-журналисты, которые твердят заученные фразы о «западной демократии» и тоже призывают: «Покупайте только американские товары!»

А. СЫЧЕВ

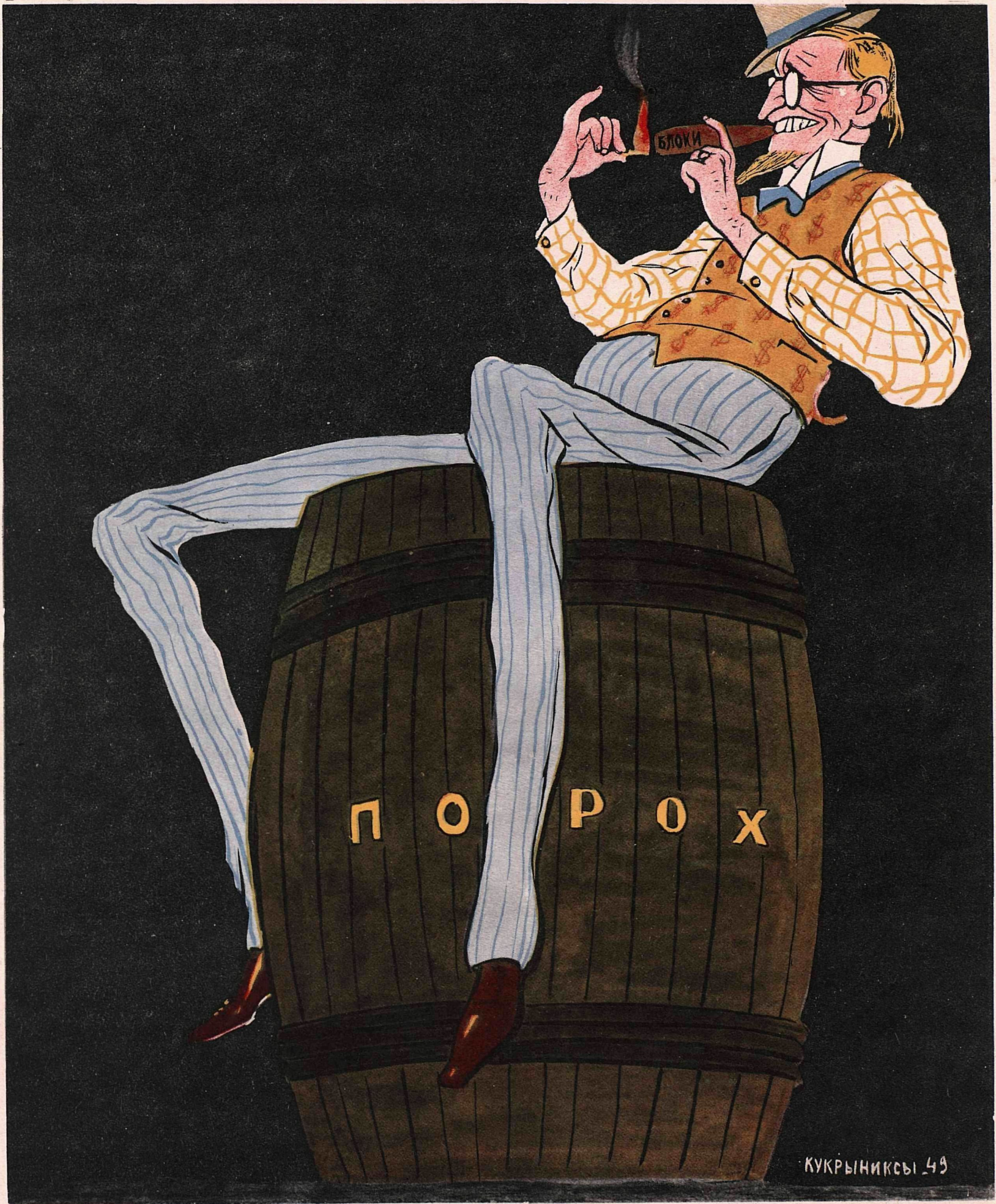

Рис. КУКРЫНИКСЫ

«Курящий цыгару над камуфлетом
Рискует быть отпетым»

(КОЗЬМА ПРУТКОВ)

Рис. В. ГОРЯЕВА

О ЧЕМ МЕЧТАЮТ БЛЮМЫ

«Кабы каждого рабочего по полтине продать, миллионов сотню могли бы дать».

(В. В. МАЯКОВСКИЙ)

ДОРОГАЯ СОБАКА

Я БОЛЕЕ чем уверен, что вы хорошо помните чеховскую «Дорогую собаку». Но на всякий случай изложу в нескольких строках содержание этого рассказа.

Поручик Дубов и вольноопределяющийся Кнапс сидели и выпивали.

«— Великолепный пёс! — говорил Дубов, показывая Кнапсу свою собаку Милку. — Замечательная собака! Вы обратите внимание на морду! Морда одна чего стоит! Ежели на любителя наскочить, то за одну морду двести рублей дадут! Не верите? В таком случае, вы ничего не понимаете! — Я понимаю, но...»

Одним словом, поручик хочет избавиться от своей собаки. Он уступит её Кнапсу за сто пятьдесят рублей. Не хотите? Ну, за пятьдесят. Отказываетесь? Берите за двадцать пять. И это вас не устраивает?... Знаете что? Берите собаку даром...

Нечто похожее случилось недавно в Париже.

* * *

Офицер американской разведки мистер М. О'Шенник и французский министр внутренних дел Жюль Мок сидели и выпивали.

«— Великолепный пёс! — говорил М. О'Шенник Жюлю Моку, показывая свою собаку. — У него даже фамилия есть — Кравченко. Но фамилия — это чепуха. Кличка какая — Иуда! Замечательная собака! Вы обратите внимание на морду! Морда одна чего стоит! Противная морда, не правда ли? Ежели на любителя наскочить, так за одну морду двести долларов дадут! Ведь это не простой пёс, а дезертир и ренегат! Чистокровный сукин сын! Стойка поразительная, а чутьё... нюх! Боже, какой нюх! Выньте из кармана доллар — сразу начнёт ви-

лать хвостом и станет на задние лапки. Знаете, сколько я заплатил за неё, когда она была ещё щенком, когда в 1944 году только что прибежала к нам, украв советские деньги? Сто долларов! Дивная собака! Офицер привлек к себе Иуду и поцеловал его между ушей.

«— Никому тебя не отдам... красавец мой... разбойник этакий. Ведь ты любишь меня, Иуда? Любишь? Я ещё одну антисоветскую книжонку сочиню, а ты её своими лапками подпишешь: Крав-гав-гав-ченко. Ну, пошла вон! — крикнул вдруг разведчик. — Грязными лапами прямо на мундир лезешь! Да, мсье Жюль Мок, полтора доллара дал в 1944 году. Стало быть, было за что! В Америке у нас теперь и без него много разных собак этой породы: и румынские доберман-михайчики, и польские сенникайчики, и венгерские мопс-хортики. Гибнет у нас без дела этот Кравченко, талант свой зарывает... Потому и продаю. Купите, милый Жюлик! Всю жизнь будете благодарны. Ну, если у вас денег мало, то извольте, я уступлю вам половину... Берите за пятьдесят! Грабьте!»

«— Нет, голубчик... — вздохнул Мок. — Мне сейчас требуется женщина-провокатор для работы среди французов. Будь ваш Кравченко женского пола...»

«— Кравченко не женского пола? — изумился М. О'Шенник. — Жюль, что с вами? Этакая собака не женского... пола?! Ха-ха! Да ведь на русском языке у него почти все клички женского рода: гадина, продажная тварь и так далее и тому подобное... Хорош министр внутренних дел! Не умеет отличать кобеля от суки!»

«— Вы мне говорите, словно я слеп или ребёнок... — обиделся Мок. — Конечно, пёс.

«— Ах, Жюль, дорогой Жюлик! А ещё пра-

вый социалист! А ещё в одной партии с Леоном Блюмом! Да этот Кравченко — хотя и пёс, но любой суке десять очков вперёд даст. Он в вашей газете «Популар» сможет вполне сотрудничать. Любую клевету сварганит...»

«— Не надо... По этой части у нас есть более опытные деятели...»

«— Он фальшивые документы может делать! Ах, какая стойка! Ах, какой нюх на такие дела! Берите за двадцать пять.

«— Документы, говорите?»

«— О, да! Какие фальшивки!»

«— Не надо... Это я сам умею.

«— Жалко мне вас так отпускать, чорт подери... Знаете, что? Берите собаку даром...»

* * *

В чеховском рассказе такая концовка: Кнапс отказался взять собаку и даром. Поручик в отчаянии. Он спрашивает Кнапса:

«— Вы не знаете, здешние живодёры собак принимают или нет? Чорт с ней, пусть с неё кожу сдерут... Мерзкая собака! Отвратительная!.. Добро бы, порода хорошая, а то чорт знает что, помесь дворняжки со свиньёй...»

А Жюль Мок охотно взял собаку у американской разведки. И сразу приспособил Крав-гав-ченко к делу. Иуда, как известно, выступает в Париже на суде против французского прогрессивного журнала «Леттр франсэз», всячески демонстрируя свою породу: помесь дворняжки со свиньёй.

Как видите, в Париже с «дорогой собакой» всё обернулось по-другому.

Г. РЫКЛИН

ЛЕКЦИЯ ЭРИКА БАРНОУ

Я читаю утреннюю газету. Я делаю это каждое утро, превосходно зная, что найду в газете обычную развращённость и низость.

М. ТВЭН

Эти горькие твэновские слова в равной степени относятся ко всей реакционной американской литературе.

В этом лишний раз убеждает нас прилагаемая при сем лекция.

* * *

МЫ ЗАСТАЕМ Эрика Барноу на кафедре Колумбийского университета. Аудиторию составляет большая группа американцев и американок, рассчитывающих через несколько занятий стать... (не удивляйтесь, вы в Америке!) писателями. Популярный и авторитетный в мире бизнеса писатель, режиссёр, литературовед, Барноу избрал несколько необычную для наших понятий область науки: «Технику составления и способы сбыта литературных произведений». Старейший работник Национальной радиовещательной компании, он ведёт свой курс со знанием дела.

— Писателей из вас я сделаю, чорт возьми! — восклицает Эрик Барноу, начиная вступительную лекцию-беседу. — Но давайте договоримся по всем основным пунктам сразу. Среди вас, наверное, есть люди, полагающие, что, сделавшись писателями, они вступят в новую, увлекательную область творческих возможностей. Чуть! Запомните, американский писатель — это человек, решивший сделать источником существования продажу своих рукописей на рынке. Запросам рынка писатель и должен подчинить свои искания. Американский писатель не может писать по вдохновению, ибо это не приносит доходов. В любой момент он должен писать по заказу на любую тему, будь то пьеса или беседа для домашних хозяек.

В любой момент любая работа! — подчеркнул Барноу. — Для этого надо иметь сноровку, быстроту соображения. Только эти качества могут принести писателю доход. Может быть, у кого-нибудь из присутствующих возникнет странная мысль о совести. Так знайте: совесть — это звук, звуковой эффект!

Всё зависит от способностей, от инициативы. Вы можете сидеть на пятнадцать долларов в неделю. Но вы можете заработать в сто, тысячу раз больше, если вы умеете пробивать себе дорогу.

Единственное, от чего я предостерегаю каждого, — это освещение острых вопросов. К чему, спрашивается, писать об обмане, допущенном Сенатом, критиковать какое-либо предприятие или учреждение? Сообщать о крахе банка? Зачем, спрашивается, бить по руке, которая тебя кормит?..

* * *

Затем научный сотрудник Колумбийского университета перешёл к вопросам рекламы.

Реклама, как известно, отнимает лучшее время вечернего радиовещания. Помимо чистых коммерческих передач она нагло прорывается сквозь музыку и пение, раскалывает на части выступления знаменитых артистов и т. п. Американцам страшно всё это надоело.

— Нужно менять тематику, средства и формы коммерческого вещания, — поясняет Барноу. — Прямое восхваление товара давно не имеет успеха. Времена, когда считалось неудобным приглашать знаменитостей для непосредственного рекламирования товаров, миновали. Американская художественная литература прошла с тех пор славный путь. Творческие возможности писателей истине беспредельны. Для рекламы они могут использовать все жанры художественной литературы: лирические стихи, песню, рассказы, скетчи, драму, диалоги, оперетту, даже оперу, как это показывают получившие широкое распространение

«Мыльные оперы», воспеваящие различные сорта американского мыла.

Важно заинтриговать радиослушателя занимательной путаницей, игрой несоответствия, поймать, что называется, его на крючок, — учит Барноу. — Завязать какой-нибудь «возвышенный диалог», а затем сделать естественный переход «с небес на землю», то есть к рекламе конкретного предмета торговли.

Для примера приведу образец лирических рекламных стихов:

«Когда вы печальны
И не знаете, что делать,
Жуйте шоколадку «Чиклетс» — и развеселитесь!
Если вы потеряли аппетит,
Есть возможность поправить дело:
Жуйте шоколадку «Чиклетс» — и развеселитесь!»

* * *

Одно из последующих занятий было посвящено так называемой развлекательной, или, точнее, отвлекательной, литературе. В связи с безработицей, нищетой и безрадостными перспективами американцев нужно отвлекать от мрачных мыслей. Возможности писателя и здесь неограниченны. Лектор делал всё новые и новые открытия.

— Помните, что мы можем вызывать голоса духов из космоса, голоса призраков умерших из потустороннего мира. Пользуйтесь этим широко и свободно! — призывает Барноу.

Для женщин он рекомендует писать на глубоко интимные темы — о любви, браке, семье. Он подробно проанализировал нашумевшую серию передач «Роман Елены Трент», в котором с героиней во сне говорят её бывшие любовники.

Заканчивая свою лекцию, мистер Барноу патетически воскликнул:

— В путь, друзья! Не забывайте моих советов! Не тратьте сил на создание чего-либо, выходящего за пределы стандарта! Умейте уживаться с людьми! Помните, что писатель зависит: 1) от хозяина радиостанции; 2) от хозяина программы; 3) от директора производства; 4) от заведующего торговым отделом; 5) от директора программы; 6) от заведующего отделом кадров. Умейте ладить с ними, иначе доллары будут строить вам рожи!

Чтобы быть в курсе творческих вопросов, читайте коммерческую информацию «Лиги авторов Америки» и «Голливудский кварталник». Носите на сердце мой «Справочник писателя». Все сведения в нём я расположил для вашего удобства в строгом алфавитном порядке. Любая справка в две минуты! В справочнике есть всё, чему я учил вас в университете.

Боже мой! — схватился Барноу за голову. — Едва не забыл предупредить вас о самом главном: помните, что в нашей американской писательской среде сильно распространено воровство! Вы сможете стать жертвой: 1) кражи удачного названия произведения; 2) кражи идеи произведения; 3) кражи формы выражения идеи. Загляните в мой справочник, там я советую, как поступать в случае, если вас обкрадут братья-писатели. Держите ухо востро! Вперёд!

* * *

Всё, о чём мы здесь рассказали, взято нами из «Справочника писателя» Эрика Барноу. Этот справочник излагает технику составления и способы сбыта рукописей.

В Америке немало продажных писак, тщетно пытающихся доказать миру, что в Соединённых Штатах полная свобода творчества. Каждому, кто снова решит, вопреки действительности, восхвалять эту «свободу», было бы весьма полезно, прежде чем раскрывать рот для лжи, раскрыть книгу своего соотечественника Эрика Барноу.

В. КРУГЛОВ

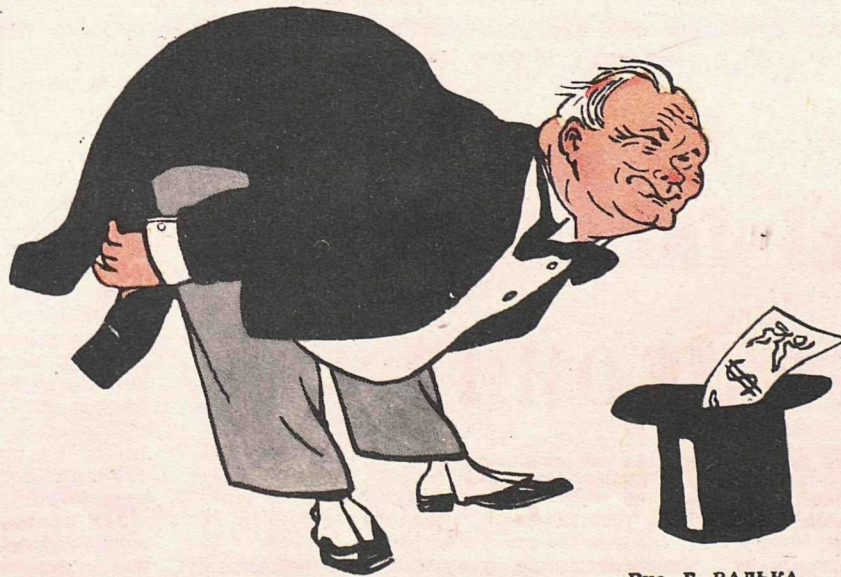

Рис. Г. ВАЛЬКА

МАРШАЛИЗОВАННЫЙ ДИПЛОМАТ

«В мои лета не должно сметь
своё суждение иметь».

(А. ГРИБОЕДОВ)

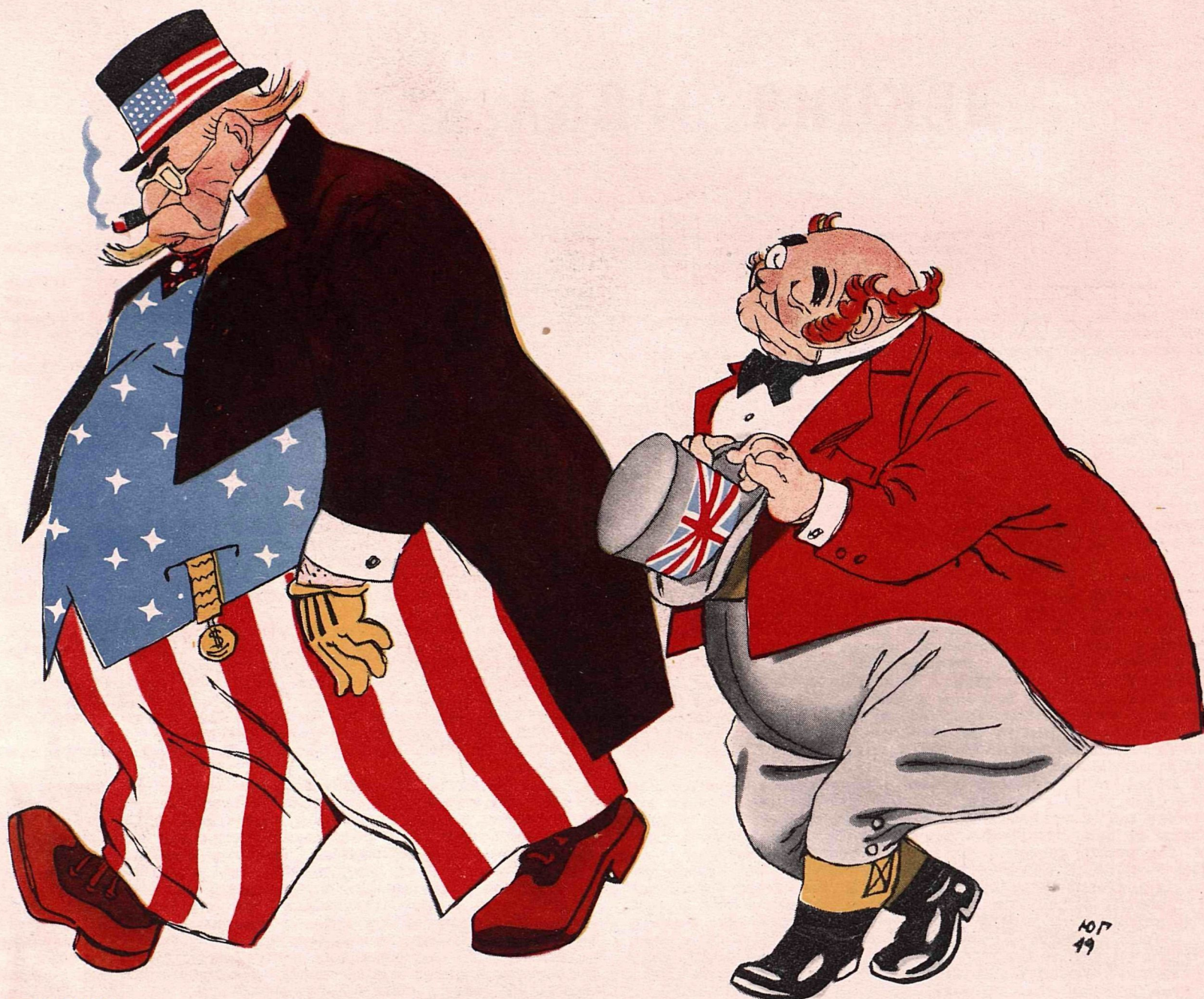

Рис. Ю. ГАНФА

ДЯДЯ САМ И ДЖОН БУЛЬ

«Зная привычку его наступать на ноги, он очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперёд»

(Н. В. ГОГОЛЬ)

ТАЛАНТЫ и ПОКЛЕЗНИКИ

ПАВЕЛ-ЛЕОНИД

«Я не умею петь, но это мне не остановка, мне ничто не остановка... — и стараясь выводить ноты как можно визгливее, она запела...»
(ЧЕРНЫШЕВСКИЙ «Что делать».)

НИКОГДА никогда не видел этого гражданина с двойным именем, но если справедливо утверждение, будто вкус — это человек, можно без труда представить себе его внешность: брюки «чарльстон», кепочка с пупочкой, галстук бабочкой, в одной руке патефон, в другой — джентль-

менский набор пластинок. Он общительный малый, и если ему понравится какой-нибудь мотивчик, он будет накручивать его на патефоне до полной потери сознания ответственности за свои действия...

Говорит Павел-Леонид редко, чаще музицирует.

— Я Павел-Леонид! Я Павел-Леонид! — представляется он, появляясь у вас в доме, и с этой минуты все ваши дневные планы летят вверх тормашками; иногда он появляется под странным двуполым псевдонимом: — Я Пётр-Лена! — но, как известно, от перемены имён существо не меняется...

Проникнув в стены вашего дома, Павел-Леонид, он же Пётр-Лена, остаётся там до вечера и исчезает лишь для того, чтобы наутро появиться вновь. Он не даст вам прослушать ни симфонический концерт, ни трансляцию оперы, ни последние известия. Он всё перекричит своим хрипящим, граммофонным горлом.

По правде сказать, музыка — не основное занятие Павла-Леонида. Его призвание — давать погоду. В голубых небесных просторах пролегают невидимые воздушные пути. По ним ходят пассажирские, грузовые, почтовые, военные воздушные корабли. И в небесах эти дороги не всегда бывают такими идиллически голубыми, как в журнальных очерках. Грозы, облака

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Когда случалось где-нибудь
Ей встретить чёрного монаха,
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

(А. ПУШКИН «Евгений Онегин».)

Студентка Н. за двадцать лет
Узнала множество примет.
И, право, верит в них сильней
Столетней бабушки своей.
Сны также девушку тревожат.
Едва проснувшись поутру,

Она припоминает лёжа,
К добру был сон
иль не к добру.
И над зловещим сном
в постели
Продумав сорок пять минут,
Она

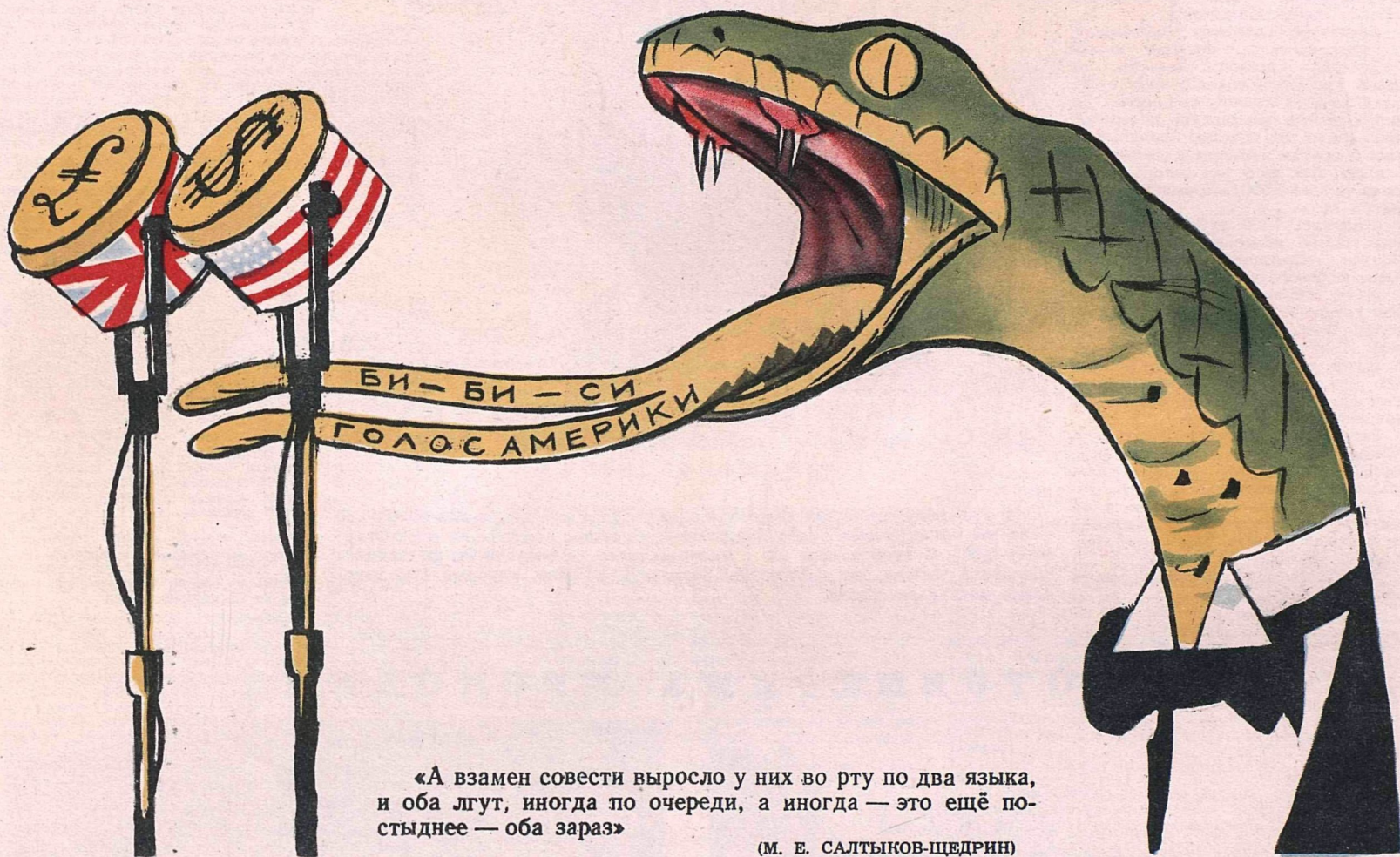
(сон в руку!)
в самом деле

Опаздывает в институт.
Когда ж бедняжка на зачётах
Сдаёт какой-нибудь предмет,
Вступает в силу ряд почётных
Многозначительных примет.
Ей кажется, все кошки злобно

Мечтают в тишине ночей
При первом случае удобном
Перебежать дорогу ей.
И женщины выносят бодро
Навстречу ей пустые вёдра,
И за столом соседи столь
Коварно просыпают соль,
Что невозможно сдать предмет ей...

А суеверья в том секрет,
Что знает девушка приметы
Гораздо лучше,
чем предмет!

В. БАХНОВ

«А взамен совести выросло у них во рту по два языка,
и оба лгут, иногда по очереди, а иногда — это ещё по-
стыднее — оба зараз»

(М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН)

Рис. Л. БРОДАТЫ

и тучи встают на пути пилотов. Порою земля закрывается плотным слоем тумана. Советские пилоты летают при любой погоде. Сквозь грозы и туманы их приводят к цели радиомаяки. Днём и ночью они передают в эфир погоду, музыку, песни. Бортрадисты ведут свои машины по ориентирам этих маяков.

Мы не знаем, в каком городе находится маяк, именуемый себя «Павел-Леонид», но волна, занятая им в эфире где-то в районе семисот метров, рискует стать пугалом не только для слабонервных земных слушателей, но и для бесстрашных людей воздуха. Мы зафиксировали только один час, проведённый в эфире радиомаяком, прописанным на волне в семьсот метров. Начался этот час в понедельник, 21 февраля, в 11 часов 58 минут, по московскому времени, и повторялся неоднократно в тот же понедельник, и в последующий, и во вторник, и в среду, и во все дни недели. Вот программа этого часа:

11 ч. 58 мин.	Танго.
12 ч. 01 »	Блюз с мяуканьем.
12 ч. 04 »	Пассодобль.
12 ч. 07 »	Кукарача.
12 ч. 10 »	Джаз-марш.
12 ч. 13 »	Вальс-бостон.
12 ч. 17 »	Пассодобль.
12 ч. 20 »	Квик-степ.
12 ч. 23 »	Танго.
12 ч. 27 »	Румба.
12 ч. 30 »	Танго.
12 ч. 33 »	Блюз.
12 ч. 37 »	Джаз-полька.
12 ч. 40 »	Танго.
12 ч. 47 »	Румба.
12 ч. 53 »	Фокстрот (заграничный).

Эта программа, с теми или иными изменениями, повторяется на день по несколько раз. Между «Кукарачей» и очередной румбой вкрадываются советская песня или частушки в исполнении Воронежского хора. Порою на Павла-Леонида находит просветление — и на волну в семьсот метров просачивается программа из советских песен или русских романсов, но и

здесь не обходится без казусов. Вслед за советской песней «Давно мы дома не были» даётся мексиканская румба, а романс Чайковского «Мы сидели вдвоём» перемежается с дуэтом из оперетты «Холопка».

В кабинетах Управления музыкального радиовещания десятки музыкальных редакторов трудятся над составлением радиопрограмм, над их обновлением; специальные люди следят за логическим чередованием музыкальных номеров, за тем, чтобы одно и то же произведение звучало в эфире не чаще одного раза в неделю. Но вот появляется молодой человек с сильным патефоном и безнаказанно несёт в эфир на весь мир свою музыкальную тарбарщину, от которой отдаёт густым духом низкопоклонства перед Западом и неуважения к русской классической и современной советской музыке. Советские пилоты не хотят слушать джазовую пошлятину и винегретные программы, составленные по принципу один рябчик — один конь.

Н. ДАВЫДОВ

ХЛЕСТАКОВ ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

Действие происходит в колхозе «Борьба», Переславского района, Ярославской области. В роли Хлестакова выступает некто Герасимов, бывший сотрудник газеты «Северный рабочий», уволенный из редакции за недостойное поведение.

Хлестаков-Герасимов (обращаясь к председателю колхоза). «Сделайте милость, со мной странный случай: хочу о вашем колхозе книжку сочинить... Да вот в дороге совершенно издержался... Не на что бумаги, перьев, чернил и других канцпринадлежностей купить. Нет ли у вас денег?.. Авансика рублей в тысячу... Премного благодарен буду...»

(Получает тысячу рублей аванса и довольный уезжает в соседний колхоз имени Молотова.)

Хлестаков-Герасимов (обращаясь к председателю колхоза имени Молотова). «Сделайте милость, со мной странный случай: хочу о вашем колхозе книжку сочинить... Да вот в дороге совершенно издержался... Не на что бумаги, перьев, чернил и других канцпринадлежностей купить. Нет ли у вас денег?.. Авансика рублей 1500... Премного благодарен буду.»

(Получает 1500 рублей аванса и ещё более довольный уезжает в колхоз «Красный коллективист», Некрасовского района.)

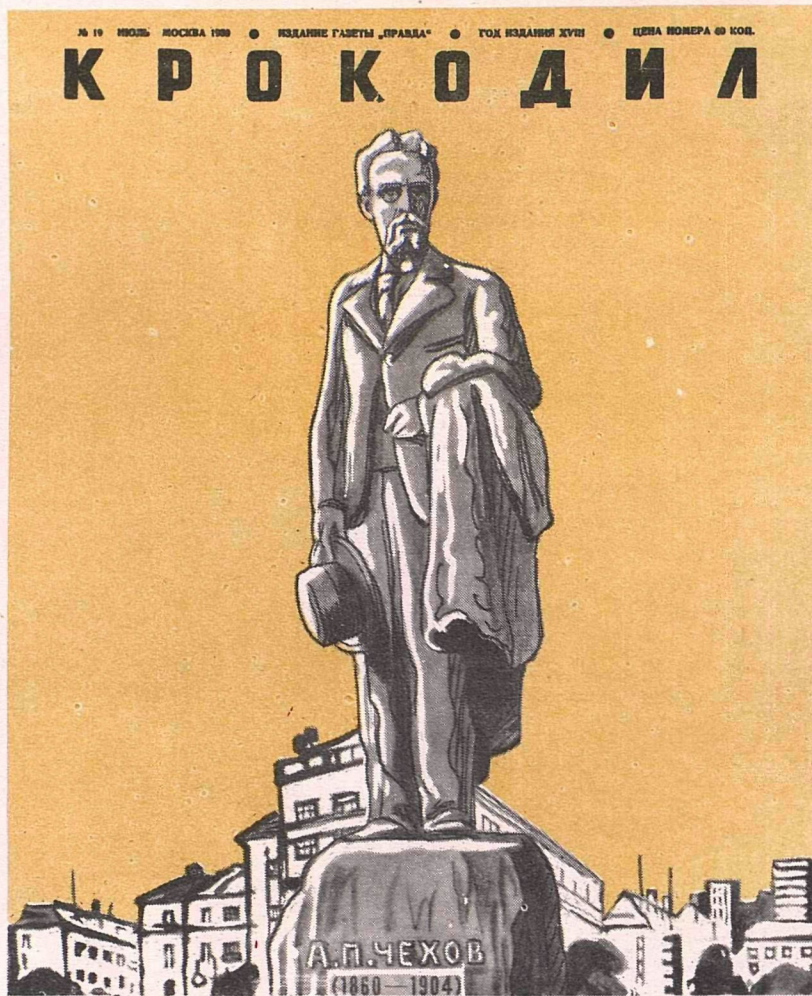
Здесь происходит то же самое, с той разницей, что Хлестакову-Герасимову перепадает только 400 рублей.

Потом он переселяется в колхоз «18 лет РККА», Ярославского района, где не брезгает несколькими килограммами муки.

Затем наш Хлестаков-Герасимов покидает гостеприимные колхозы, оставив на память о себе лишь расписки об авансах.

Ныне он живёт в Костроме и, по слухам, готовится к новому выезду в колхозы области для сбора очередной жатвы.

Председатели колхозов, берегите карманы!

В 1939 году Крокодил напечатал этот рисунок со следующей подписью: «Так мы представляем себе ближайшее будущее одной из московских площадей». В этом номере мы с удовольствием напечатали бы фотоснимок памятника Чехову, но вынуждены повторить рисунок, который был напечатан десять лет назад.

ВЕРХ ГОСТЕПРИИМСТВА

Очень дружно живут со своими жёнами руководящие работники Щучинского района, Кочетавской области. Некоторые без жён, как говорится, ни на шаг. За примером ходить далеко не приходится.

Недавно в районе проводилась пятнадцатая партконференция. Её своим присутствием очастливили жёны секретарей райкома тт. Курлова, Щербанова, Наумова, жена управляющего отделением Госбанка тов. Обидного и другие.

Несмотря на свою беспартийность, вышеуказанные жёны проявили большую активность и дружно аплодировали выступавшим... мужьям.

Широко живут в Щучинском районе. Даже на закрытых партийных собраниях дверь, как говорил когда-то Фамусов, «открыта для званных и незванных».

«НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ...»

(М. В. ЛОМОНОСОВ)

Эту бесспорную истину мы хотим дополнить новыми фактами. Журнал «Наука и жизнь» в № 8 за прошлый год опубликовал заметку «Дуговая электросварка цветных металлов». Эта заметка заинтересовала электросварщика Н. С. Доленку, и он запросил редакцию, как лучше ознакомиться с новым способом сварки. Любезная редакция отослала его за консультацией к инженеру В. В. Бенкевичу. Последний не менее любезно ответил тов. Доленку:

«Я вам могу выслать описание моего нового метода электросварки. Но прошу мне выплатить за это вознаграждение переводом 500 рублей».

Как видите, науки питают не только юношей, но и весьма солидных инженеров, которые согласны делиться своим опытом не иначе, как за солидную мзду.

ФОТОВИТРИНА КРОКОДИЛА

СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

Описанный Щедриным городничий Черноборска Дмитрий Борисович Желваков был человек мягкого нрава и не мог отказать своему многочисленному семейству в скромных удовольствиях. Двадцать душ желваковского семейства постоянно катались на пожарных лошадях и докатились до того, что замучили лошадей.

Подобно Желвакову некоторые ответственные работники г. Вильнюса не в силах отказать своим домочадцам и родичам и любезно предоставляют для личных поездок прикреплённые к ним легковые машины.

В один из декабрьских дней у Кальварийского рынка было зареги-

стрировано несколько «персональных» машин, на которых «ответственные» жёны и их домашние работницы пожаловали на рынок.

Государственная автоинспекция допустила «бестактность» и указала руководителям вильнюсских учреждений, что легковые машины предоставлены им «отнюдь не для разъездов по рынкам».

Когда ревизор обратил внимание городничего Желвакова на то, что его семейство загнало пожарных лошадей, Желваков запретил тревожить лошадей даже в случае пожара.

Вильнюсские товарищи и после проверки автоинспекции продолжают эксплуатировать автотранспорт для поездок на рынок, о чём свидетельствуют фото.

«БАЦИЛЛОС ТУЛЯРЕНЗЕ»

В предисловии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» дьяк Фома Григорьевич рассказал, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латынщиком, что позабыл даже родной язык и все слова сворачивал на «ус»: лопата у него — лопатус, баба — бабус.

У кого обучался грамоте фельдшер Водошнянов, мы не знаем, но родной свой язык он позабыл. Недавно тов. Водошнянов напечатал в покровской районной газете «Социалистическое наступление» (Ворошиловградская обл.) статью о туляремии. Без переводчика статью эту не понять:

«Туляремия — инфекционное заболевание септицемического характера. Возбудителем туляремии является бациллов тулярензе. Основным резервуаром являются грызуны. Пути передачи туляремии от грызунов к человеку различны: контактный... аспирационный... трансмиссионный... Течение болезни инкубационное. Формы течения болезни: септическая, железистая, лёгочная, стёртая...»

Судя по этой статье, автор её тяжело заболел. Болезнь эта, прямо скажем, не «септицемического» характера. Возбудителем её является «бациллов латифофилюс». Основным резервуаром является нетребовательность редактора газеты тов. Лысенко.

ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ..

Склонность к путешествиям, как точно установлено, обнаружилась у П. Н. Медведева летом 1947 года. Оставив жену и годовалого сынишку, наш путешественник покинул город Онегу и скрылся в неизвестном для семьи направлении.

С помощью судебных органов след Медведева был обнаружен в Оленинском районе, Калининской области. Но и тут искатель приключений задержался только до тех пор, пока его не настигла судебная повестка о взыскании алиментов. С резвостью быстрогоходной лани он тут же перемахнул в Сафоновский район, Тульской области, где, очевидно, пробудет до получения очередной повестки.

Одним словом, как сказал Александр Сергеевич Пушкин:

«Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест...»

ПОЧТИ ПО КРЫЛОВУ

А ларчик просто... закрывался! Речь, собственно, идёт не об одном ларчике, а о восьми ларьях-палатках на рынке города Рязань (Рязанской области), которые срочно были закрыты по распоряжению госсаннадзора тов. Поповой.

Причиной ликвидации этих палаток был средней упитанности поросёнок, принадлежащий гражданину Жихареву. Заботливый хозяин предоставил своему питомцу жилище по соседству с ларьями. Это явно не понравилось госсанинспектору, которая заподозрила в поросёнке явного носителя инфекционных заболеваний. Нужно было либо переселить поросёнка подальше от ларьков либо убрать ларьки подальше от поросёнка. Мудрая Попова выбрала наиболее простой, по её мнению, путь: приказала убрать ларьки.

Надеемся, что поросёнок не окажется свиный и век будет помнить свою благодетельницу.

ОБОДИТЕЛЬНАЯ ГУТИН

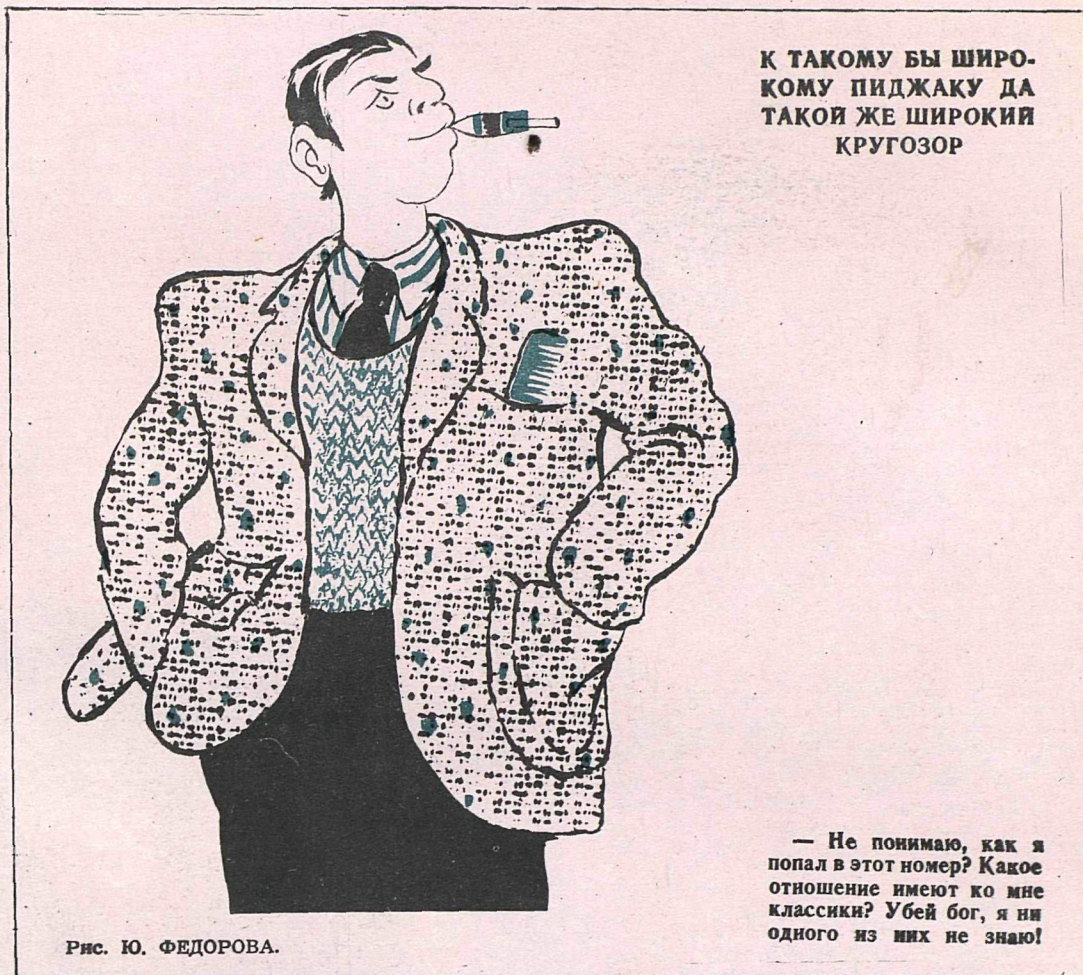
Тов. Гутин, управляющий агентством Главвостоктехснабнефти в Днепропетровске, — человек чрезвычайно внимательный и обходительный. Он обязательно отмечает все семейные праздники своего начальства (будь то именины, свадьба или другое какое-нибудь торжество) посылкой соответствующих телеграмм. А если кто из начальства, не дай бог, заболел, Гутин просто не находит себе места и бомбардирует заболевшего срочными депешами вроде такой:

«Москва Главвостоктехснабнефти Рузову. Узнал вашем заболевании вторично горячо рекомендую испытанное мною эффективное средство лечения парафиновыми компрессами тчк После пятнадцати сеансов результаты поразительные тчк Всей семьей желаю выздоровления Гутин».

Пусть не удивляет читателей такая многословность Гутина. Он обходителен и вежлив за казённый счёт. Оказывает, перерасход на телеграфные расходы по агентству за прошлый год составил четыре тысячи рублей.

Не товарища ли Гутина имел в виду М. Ю. Лермонтов, написав в своей «Казначейше»:

«От юных лет с казённой суммой
Он жил, как с собственной женой».

К ТАКОМУ БЫ ШИРОКОМУ ПИДЖАКУ ДА ТАКОЙ ЖЕ ШИРОКИЙ КРУГОЗОР

— Не понимаю, как я попал в этот номер? Какое отношение имеют ко мне классики? Убей бог, я ни одного из них не знаю!

Рис. Ю. ФЕДОРОВА.

ПРОЗАСЕДАВШИЙСЯ

Просим извинения у читателей, но мы вынуждены привести несколько цифр, которые, на наш взгляд, красноречивее многих слов. Вот эти цифры:

18 января — 3 часа 45 минут
19 января — 1 час 30 минут
20 января — 1 час 30 минут
24 января — 2 часа 45 минут
27 января — 2 часа 00 минут
28 января — 1 час 30 минут
29 января — 3 часа 40 минут

И так почти каждый день. А всего за один месяц директор одного из московских заводов тов. Мизюров созвал у себя двадцать четыре совещания с общей продолжительностью в сорок один час. Почти целая рабочая неделя ухлопана на разговоры.

Тысячу раз был прав В. В. Маяковский, сказавший по этому поводу:

«О, хоть бы ещё одно заседание относительно искоренения всех заседаний!»

СИЛА ПЕЧАТИ

Проявилась эта сила близ Москвы, в посёлке Кучино.

К большому студенту Н-ву приехал в Кучино по срочному вызову врач. Он написал рецепт и предупредил, что лекарство нужно принять безотлагательно. Мать больного спешно пошла в аптеку. Заведующая аптекой А. А. Егорова, взглянув на рецепт, заявила:

— Не могу отпустить. Врач поставил печать треугольную, а требуется круглая. Имею указанные свещи, чтобы только по круглой отпустить. Просьбы, уговоры, ссылки на опасное положение больного не возымели никакого успеха. Большой остался без лекарства.

Говорят, что строгая заведующая имеет претензии по поводу печати не только к врачам, но и к некоторым классикам русской художественной литературы — за недомолвки насчёт печатей.

У Грибоедова, например, выдержанный бюрократ Фамусов, которому она рада бы сочувствовать, изрекает: «Подписано, так с плеч долой». А приложена ли надлежащая печать? Не сказано.

У того же автора Чацкий говорит о Молчалине: «Ещё ли не смолчил безмолвие печати?» Но о форме этой печати ни слова.

Есть недомолвка и у Лермонтова: «Приют певца утروю и тесен, и на устах его печать». А какая? Ведь треугольная недействительна!

Хорошо, что произведения классиков отпускаются не в аптеке и не по рецептам...

СЛАВА РЕЗИНКЕ!

Что нужно для успешного литературного творчества? Доктор технических наук, профессор Московского инженерно-строительного института П. Н. Каменев на собственном опыте доказал, что с помощью простой резинки можно добиться невиданных результатов. В самом деле, пользуясь обыкновенной школьной резинкой, проф. Каменев в мгновение ока изготовил тринадцать чертежей проекта сложного механизма.

Проф. Каменев взял чертежи, изготовленные конторой проектно-конструкторских работ «Гидромеханизация», и старательно стёр резинкой фамилии авторов и поставил свою скромную фамилию.

Короче говоря, как отметил ещё А. С. Пушкин:

«И снова преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он (имеется в виду проф. Каменев) с известной целью

Себе присвоить ум чужой».

Контора «Гидромеханизация» продаёт копии своих чертежей по семь рублей пятьдесят копеек за штуку, а проф. Каменев получил с Министерства жилищно-коммунального строительства за каждую такую копию, скреплённую его подписью, по тысяче рублей.

Вот что значит ловкость, сноровка и высокое научное звание!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 32 Крокодила было помещено письмо П. Лукина о том, что в г. Великие Луки в разных местах свалено сено. Исполком Великолуцкого горсовета, отрицая факты, затронутые в письме, прислал в редакцию опровержение. Тогда в № 3 Крокодил вторично выступил по этому поводу и опубликовал фотографию со стога сена у драматического театра. Великолуцкий горком ВКП(б) признал выступление Крокодила правильными и отметил, что исполком горсовета (председатель — тов. Громов) неправильно воспринял критику Крокодила и своим «опровержением» взял под защиту зав. горхозом тов. Володзьина, начальников 1-го и 2-го отделений милиции и начальника противопожарной охраны города, которые не приняли мер к наведению порядка в городе. По выявленным фактам горкомом ВКП(б) сделаны соответствующие выводы.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СКОЛОВ), С. НАРИНЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, Н. РЯБОВ, Г. РЫКЛИН.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 46, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Принимает ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 225.

Подписано к печати 16/III 1949 г.

Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А—00110.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 692.

Тираж 150 000 экз.

38 26 МАР 1949

Всесоюзная
Книжная Палата
Обяз. экземпль.
1949 г.

3251 711

Рис. П. СОКОЛОВА-СКАЛЯ

СТО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

А. ГРИБОЕДОВ: «Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как Москва».